

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

MEMENTO VIVERE

Сборник памяти

А. Н. Ивановой

Составители и научные редакторы
К. А. Кумпан и Е. Р. Обатнина

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2009

ПИСЬМО ВЯЧ. ИВАНОВА К ИГОРЮ СЕВЕРЯНИНУ ИЗ АРХИВА ПУШКИНСКОГО ДОМА*

В фонде Вяч. Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома в одной из папок с интригующим названием «Разные листочки, начала статей» хранится карандашный, сильно правленный черновик письма, адресат которого назван «милым поэтом». Письмо обращено к Игорю Северянину, что устанавливается по цитатам из его сборника «Громокипящий кубок» (1913)¹.

* Приношу искреннюю благодарность Н. В. Котрелеву, Н. А. Богомолу и А. Л. Соболеву, поделившимися со мной своими архивными находками.

¹ Дефинитивным здесь оказался неологизм «взорлить» из второй строфы одного из самых известных стихотворений Северянина «Я, гений Игорь Северянин...»: «От Баязета к Порт-Артуру / Черту упорную провел. / Я покорил Литературу! / Взорлил, гремящий, на престол!» («Эпилог» // *Северянин Игорь. Громокипящий кубок. Поэзы. / Предисл. Федора Сологуба. М., 1913. С. 125*). Кроме того, этот неологизм был использован Северяниным в стихотворениях «Крымская траги-комедия» (1914) и «Терцины-колибри» (1919), вошедших соответственно в его сборники «Victoria Regia» (М., 1915) и «Менестрель: Новейшие поэзы» (Берлин, 1921); см.: *Никольцева В. В. «Взорлить» и «взорить»: к вопросу об идентичных словоформах в языке Игоря Северянина и Владимира Маяковского // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте. М., 2004. С. 89*. В процессе поисков обнаружили и другие случаи употребления этого неологизма, например, К. Вагиновым в первом стихотворении из цикла «Ночь на Литейном» под названием «Любовь страшна не смертью поцелуя...» (сб. «Город», 1923): «Пегас, взорли кипящую любовь / Так говорю и Музу зрю нагую / В плаще дырявом и венке из роз» (*Вагинов К. Петербургские ночи / Подготовка текста, послесл. и коммент. Алексея Дмитренко. СПб., 2002. С. 85* — указано Т. Л. Никольской). Использование северянинского неологизма корректирует приведенное комментатором (там же. С. 112) мнение Б. Я. Бухштаба о вторичности поэтических средств Вагинова: Бухштаб наста-

Благодаря публикации в блоковском «Литературном наследстве» фрагмента письма Ал. Чеботаревской в Рим к Иванову от 3 марта 1913 г., стало общепринятым указывать на ее посредничество в отношениях поэта со взбунтовавшимися в отсутствие Иванова акмеистами. В первую очередь речь в письме шла о Городецком, издевательски разбиравшим стихи Иванова и Блока в «Бродячей собаке»². В сознании Иванова это сообщение не могло не накладываться на воспоминание об еще одном «предательстве», на этот раз со стороны М. Кузмина, чуть не закончившимся дуэлью между ним и пасынком писателя С. Шварсаломом в декабре 1912 г. Летом 1913 г., когда Иванов вернулся в Россию, на страницах «Русской мысли» была опубликована повесть Кузмина «Покойница в доме», где жители «башни» были сатирически изображены в прототипических героях. Однако у Чеботаревской, кроме отрицательных примеров современной поэзии, в этих корреспонденциях фигурировал пример и положительный. Так, в письме к Иванову от 21 января 1913 г., после сообщения о поведении О. Мандельштама — еще одного близкого к Иванову человека³ — и передачи исключительно положительного отзыва Д. Философова о «Нежной тайне» она сообщала: «Хочу послать Вам неск(олько) стихотворений Игоря Северянина (он читает нараспев, как А. Белый — в юности), кот(орого) я недавно 3 раза слушала. Сам он производит впечатление уж очень хорошее и ни к кому не идет», к письму прилагались стихи Северянина и Брюсова. В тех же письмах логично возникает и третье имя: посылая 2 марта Иванову отчет о лекции Ф. Сологуба «Искусство наших дней», она прибавляет: «Акмеисты кусали себе губы»⁴. На самом деле противопоставление Северянина акмеистам, которое подразумевала Чеботаревская, было исторически неоправданным.

ивал на акмеистической родословной поэта (ср.: «...в Вагинове нет футуризма»; *Бухштаб Б. Я.* Вагинов / Публ. Г. Г. Шаповаловой. Вступ. ст. и прим. А. Г. Герасимовой // Тыняновский сборник. Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 274).

² Литературное наследство. М., 1982. Т. 92, кн. 3. С. 413. См., напр.: *Blinov Valery. Vjačeslav Ivanov and acmeism: literary polemics of 1912—1914 // Russian Literature. 1998. Vol. 44. No 3. P. 336.*

³ Литературное наследство. Т. 92, кн. 3. С. 409—410.

⁴ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ). Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 23. Л. 3, 5об., 12об.

Напомним, что Г. Иванов начинал как эгофутурист, Северянин был приглашен Гумилевым в «Цех поэтов»⁵, а далее в футуристических и эгофутуристических изданиях сотрудничали такие близкие к акмеистам поэты, как М. Моравская и Е. Кузьмина-Караваева.

В свете этих сведений не вызывает удивления ссора Иванова с Городецким во время посещения последним Рима — «нападение» (по выражению Городецкого) мэтра на примкнувшего к новому направлению друга. Обращает на себя внимание и тот факт, что произошло оно, как можно заключить из контекста, на какой-то выставке футуристов⁶. В этой связи стоит напомнить одну из двух эпиграмм Иванова, возможно, на выставку рисунков и автографов русских писателей группы Н. Кульбина «Треугольник» совместно с группой Д. Бурлюка «Венок-Стефанос» в марте 1910 г., которая свидетельствует о его негативном восприятии русских футуристов как вторичных по отношению к западным: «Новаторы до Вержболова, / Что ново здесь — за рубежом не ново»⁷. Мотив

⁵ Краткий содержательный абрис последнего эпизода см.: *Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии / Вступ. ст. Г. М. Фридендера. Комментарий и подготовка текста Р. Д. Тименчика. М., 1990. С. 324—325*, но история их отношений началась гораздо раньше. Например, стихотворение Северянина «На строчку больше, чем сонет» (1909) из сборника «Интуитивные краски» уже было посвящено Гумилеву; см. также: *Кошелев В. А. Гумилев и «северянинщина»*. Две «маски» // *Русская литература. 1993. № 1. С. 165—166*.

⁶ См.: «Не относись к акмеизму так болезненно (<...>). В зале футуристов ты напал на меня из-за угла, как член мафии, и употребил во зло все, что нас связывает» (письмо из Равенны от 7 апреля 1913 г.; цит. по: *Азадовский К. Эпизоды // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 129*).

⁷ Цит. по итоговой публикации: *Парнис А. Е. Заметки к диалогу Вяч. Иванова с футуристами // Вячеслав Иванов: архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 414*. Рискнем заметить, что устоявшееся в науке твердое отнесение этой эпиграммы к 1910 г., восходящее к единственному свидетельству Д. Бурлюка (см.: *Харджиев Н. И. Две эпиграммы Вячеслава Иванова // Русская речь. 1989. № 5. С. 27—28*), в отличие от второй («То, что гоже и не гоже...»), все еще требует дополнительных аргументов. Весной 1910 г. Иванов уже шестой год безвыездно проживал в Петербурге (поездка в Италию состоялась только летом—осенью), а осенью—зимой 1913—1914 гг. вернулся из Италии, где, как мы уже знаем, посещал «залу футуристов». Тот факт, что Маяковский цитировал именно «Новаторы до Вержболова...» в своих двух статьях, «Живопись сегодняшнего дня» и «Как бы Москва не осталась без художников» (опубл. соответственно в мае и декабре 1914 г.), косвенно подтверждает наше предположение о возможной датировке ее 1913—1914 гг. В этом случае становится ясным смысл ироничного ивановского упрека футуристам, неоднократно отмежевывавшимся от своих западных коллег (в особенности это относится именно к эгофутуристам). Впервые участие группы

нахождения «действительного» (истинного) футуризма на Западе присутствует и в публикуемом далее письме.

История письма была изложена Ивановым в беседе с М. С. Альтманом 16 января 1921 г. Поэт вспомнил повод для его написания и даже пересказал начало, в котором, надо полагать, выражалась для него основная мысль: «Игорь Северянин, например, написал мне письмо, на которое я было начал ему ответ в таком роде: «“Милостивый государь! Что Вы все носитесь со своим талантом. Это в среде художников так же само собой разумеется, как во всяком приличном обществе — то, что каждый его член — человек порядочный. Важно не это, а...” — тут я, однако, бросил писать, ибо подумал, что могу подвергнуться участи Брюсова, а быть расхваленным Игорем Северяниным мне вовсе не улыбалось»⁸. Публикуемый далее текст черновика позволит читателю оценить степень достоверности этих слов, начиная с обращения. Вызывает вопрос в изложении Иванова и правдоподобность мотива прервать дальнейшее продолжение письма. Редкий поэт после столь сурового зачина будет расхваливать своего корреспондента. Однако завершается этот документ, как можно убедиться, признанием в любви к «вселенской душе» поэта, что Иванов не пересказал своему ученику. Таким образом, полностью достоверным в этом свидетельстве, видимо, будет лишь то, что письмо осталось неотправленным, а возможно, даже и не переписанным.

Мы не располагаем сведениями об инициальном послании Северянина и поэтому можем делать лишь предположения о том, когда его получил Иванов. Документируемое начало контактов между поэтами относится уже к 1909 г.: в библиотеке Иванова числится сборник Северянина «Интуитивные краски» (1909), причем в разделе книг с надписями авторов. Несколько больше сведений осталось от их возможных отно-

русских художников, близких к футуризму, — О. Розановой, А. Экстер, А. Архипенко и Н. Кульбина — в Первой Международной футуристической выставке в Риме состоялось в апреле 1914 г. (см.: Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания / Сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. М., 1999. С. 471). Последнее можно принять во внимание при датировке публикуемого письма.

⁸ Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подг. текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского. Ст. и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995. С. 24.

шений в 1912 г. Сборник «Очам твоей души» (1912) также был в составе ивановской библиотеки⁹, известна и дарственная надпись на издании «Качалка грёзэрки. Поэзы. Т. IV. Сады футуриста. Кн. 1. Брошюра 33-я» (Столица на Неве (СПб.): Его, 1912, вошло в «Громокипящий кубок»): «Вячеславу Иванову — Игорь Северянин. 1912»¹⁰. К весне 1912 г., пику активности организованного в январе кружка «Его», относятся попытки «вселенских футуристов» заинтересовать Иванова своей деятельностью. В его архиве отложились две повестки на два футуристических собрания: одна в Академию Эго-поэзии, присланная на имя А. Д. Скалдина, за подписями К. Олимпова, Г. Иванова, Северянина и Граляя Арельского (1912), и другая — на Первый вселенский поэзоконцерт вселенского футуризма 18 апреля 1912 г. (состав участников — Северянин, И. Игнатъев, К. Олимпов, И. Лукаш)¹¹. Кроме того, К. Олимпов прислал Иванову свой вышедший одновременно с «Качалкой грёзэрки» листок «Аэропланские поэзы. Нервник I. Кровь I. Окно Европы 1912 г. Весна» с дарственной надписью «Кантемирному Вячеславу Иванову. Автор» и датой 3 марта¹².

Поскольку Иванов покинул Россию в конце весны 1912 г., то предположительно знакомство Иванова с Северяниным могло произойти до сближения последнего с Сологубом, салон

⁹ *Обатнин Г. В.* Материалы к описанию библиотеки Вячеслава Иванова // *Europa Orientalis*. 2002. Vol. XXI. No 2. С. 274, 315.

¹⁰ Автографы поэтов Серебряного века. Дарственные надписи на книгах. М., 1995. С. 394. Воспроизведен инскрипт в издании: *Северянин И.* Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы / Издание подготовили В. Н. Терехина, Н. И. Шубникова-Гусева. М., 2004. С. 825 (серия «Литературные памятники»); далее — *Северянин Игорь.* Громокипящий кубок, 2004, с указанием страницы. В письме к Б. Д. Богомолу от 15 июня 1911 г. Северянин признавался: «Говоря откровенно, я не люблю ни Бальмонта, ни Брюсова, ни В. Иванова, ни Блока, ни Кузмина. У каждого из них, верю и даже знаю, есть удачные и хорошие стихи, но как поэтов я не люблю их по разным причинам» (Игорь Северянин. Царственный паяц: Автобиографические материалы. Письма. Критика / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Н. Терехиной и Н. И. Шубниковой-Гусевой. СПб., 2005. С. 75).

¹¹ РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 1. Л. 16. Скалдин участвовал в эгофутуристическом сборнике «Орлы над пропастью» (см. письмо Северянина к нему: Игорь Северянин. Царственный паяц. С. 95).

¹² Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 607. Ед. хр. 310. Оформление листка Олимпова с издательской маркой воспроизведено в кн.: *Очеретянский А., Янечек Д.* Антология авангардной эпохи. Россия. Первая треть XX столетия. Нью-Йорк; СПб., 1995. С. 173.

которого поэт стал посещать только с октября¹³. В настоящее время мы не располагаем документальными свидетельствами о личном общении Иванова и Северянина. Но попытки эгофутуристов завязать отношения со старшим поэтом нашли свое отражение в следующем пассаже в статье Иванова «Манера, лицо, стиль» (1912): «Дух же времени прямее всего выразили наши “футуристы”, начертав, в многозначительном треугольнике, бессильно притязающее на многозначительность, самолюбивое Его»¹⁴. Издательский знак Олимпова (слово Его в равностороннем треугольнике, было и на «Аэропланых позах»), на который намекает Иванов, воспринимался им как посягательство на христианский символ Всевидящего ока¹⁵. Металлический треугольник с надписью «Его» Олимпов носил на отвороте сюртука¹⁶. Интересно, что похожим по структуре знаком — треугольником с буквой Г с титлой — Иванов поместил в рукописях ряд своих стихотворений из сборника «Эрос», обращенных к Городецкому¹⁷. Кроме того, само сочетание слова «эго» с определением «вселенский» могло также особенно задеть Иванова из-за заключенной в нем сакральной коннотации (ср. «вселенская церковь»). Именно в таком значении Иванов употребляет эпитет «вселенский» в заключительной фразе публикуемого далее письма, как бы возвращая слову истинный смысл.

Однако, несмотря на все вышесказанное, датировать переписку Иванова с Северяниным зимой–весной 1912 г. нельзя: в публикуемом письме Иванов цитирует стихотворение Северянина «Эпилог» (обозначающее финал его отношений с кружком «Его»), увидевшее свет лишь осенью 1912 г., когда

¹³ Северянин И. Салон Сологуба // Даугава. 1989. № 7. С. 86 (очерк был опубликован в 1929 г. в рижской газете «Сегодня вечером»). О личных и творческих взаимоотношениях Северянина и Сологуба см. также в статье Т. В. Мисникевич «О последней исследовательской работе Л. Н. Ивановой» (наст. сб., с. 219—229, прим. ред.).

¹⁴ Иванов Вяч. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 619.

¹⁵ Для Олимпова, если верить его трактовке в позднейших мемуарах, этот знак с христианским символом никак не был соотнесен; см. подробнее: *Олимпов Константин*. Возникновение эгопоэзии вселенского футуризма / Публ. А. В. Крусанова и А. М. Мирзасва // Минувшее. 1997. Вып. 22. С. 190—191.

¹⁶ См.: Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Издание подготовил К. Азадовский. М., 2008. С. 603.

¹⁷ См., напр.: РО ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 75, где так помечена рукопись стихотворения «Зодчий» и мн. др.

Иванов был уже за границей¹⁸. Контакты между писателем после возвращения Иванова гораздо менее документированы¹⁹. Как мы видели, о наступившей популярности Северянина писатель был осведомлен Чеботаревской, однако у Иванова были и другие причины не принимать его поэзию.

В приведенном выше позднейшем резюме письма (в разговоре с Альтманом) Иванов указывает на свое нежелание оказаться в положении Брюсова, который, как известно, вступил с молодым поэтом в публичный стихотворный диалог зимой 1912 г.²⁰ Кроме того, Брюсов принимал участие в футуристическом сборнике «Вернисаж» (В. Шершеневич, К. Большаков и др.), от имени вымышленной поэтессы Нелли участвовал в «Крематории здравомыслия», а также был участником футуристического альманаха «Мезонин поэзии». В последнем сборнике участвовала также и лично близкая к нему Н. Львова, застрелившаяся в ноябре 1913 г.²¹, в первую после возвращения московскую осень Иванова. Все эти события за-

¹⁸ Сама «поэза» стала известной в середине и вышла из печати в конце ноября; см.: *Олипов Константин*. Возникновение эгопоэзии вселенского футуризма. С. 195, 203; а также: *Северянин И.* Громокипящий кубок. 2004. С. 719.

¹⁹ В этой связи необходимо упомянуть следующий эпизод: оба лета 1913 и 1914 гг. Сологуб провел у Северянина в Тойле, а лето 1913 г. дочь Иванова Лидия — у Ал. Чеботаревской в Силламягах. О замысле привлечь Л. В. Иванову в качестве музыкантки к «прозоконцерту» либо в Силламяги, либо в Гунгербург (Усть-Нарва, Нарва-Йыэсуу) Ал. Чеботаревская писала сестре (см.: Игорь Северянин. Письма к Ф. Сологубу и Ан. Чеботаревской / Публикация Л. Н. Ивановой и Т. В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб., 2009. С. 716). Меж тем в мемуарных эссе Северянина «Сологуб в Эстляндии» и «Эстляндские триолеты Сологуба» (оба 1927 г.), где описано пребывание четы Сологубов в Тойле, об этом ни словом не упоминается. Следы интереса близких к Иванову людей к усть-нарвским любительским антрепризам сохранились в его архиве; см., напр., афишу представления комедий «труппой любителей драматического искусства» «Война с женами» и «Денщик подвел», отпечатанную в типографии И. Ретсника в Гунгербурге (РО ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 355. Л. 346б.).

²⁰ Об отношениях Северянина с Брюсовым, Сологубом и Бальмонтом см. основанную на архивных материалах работу: *Петросов К. Г.* Игорь Северянин и старшие символисты // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г. В. Краснова. Сб. науч. статей. Коломна, 2001. С. 174—183.

²¹ *Лавров А. В.* «Новые стихи Нелли» — литературная мистификация Валерия Брюсова // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1985 год. М., 1987. С. 78—84; см. также: *Лавров А. В.* Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007. С. 171—177.

давали определенный литературный и биографический контекст. С Брюсовым Иванов обменялся стихами о роли греха под названием «Лира и ось», которые вместе с жизнелюбивыми ответами Брюсова были опубликованы в третьем выпуске сборника «Сирин» под общим названием «Carmina amoebaea» (январь 1914). В том же выпуске альманаха Иванов поместил микроцикл «Три стихотворения»: «Мать», посвященное С. Н. Булгакову²² (январь 1914), «Ручей» — В. К. Ивановой и «На кладбище» (оба датированы февралем). Эти тексты, свидетельствующие о напряженных религиозных поисках поэта на рубеже последнего предвоенного года, диссонируют с броской экстравагантностью поэзии Северянина.

Кроме Брюсова, в беседе с Альтманом был упомянут и Сологуб, который в конце зимы 1913 г. совершил с Северяниным турне по югу России и написал предисловие к «Громокипящему кубку» (вышел в свет 4 марта 1913 г.)²³. Имя Сологуба и его взгляды на текущий литературный процесс были значимыми для Иванова в осмыслении описываемого момента. 20 января 1914 г. писатели вместе участвовали в «Диспуте о современной литературе» в зале Калашниковой биржи в Петербурге (выступление Иванова легло в основу его «экскурса» «О секте и догмате»), организованном главным образом Ан. Чеботаревской, а 22-го Иванов прочел в столице публичную лекцию, положенную в основу статьи «О границах искусства». В это свое первое после отъезда посещение Петербурга он запомнился А. Ахматовой именно на парадном обеде у Сологуба, где О. Мандельштам шепнул ей, что один мэтр — это величественно, а два — «немного смешно»²⁴.

²² О поэтическом диалоге с Брюсовым см.: *Котрелев Н. В.* «Видеть» и «ведать» у Вячеслава Иванова: (Из материалов к комментарию на корпус лирики) // Вячеслав Иванов: Творчество и судьба. 135-летию со дня рождения / Сост. Е. А. Тахо-Годи; отв. ред. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи. М., 2002. С. 7—18. Из прений по докладу С. Н. Булгакова в феврале 1914 г. родилась статья «Основной миф в романе “Бесы”» (материалы прений см.: Выступления по докладу С. Н. Булгакова в Религиозно-философском обществе 2 февраля 1914 г. // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 62—74).

²³ «Это Сологуб сделал ошибку, разъезжая с ним по всей России в роли его аккомпаниаторши, он, такой мастер, с таким, как Игорь Северянин» (*Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 24).

²⁴ *Ахматова А.* Листки из дневника // Ахматова А. Победа над судьбой / Сост., подг. текстов, предисл., прим. Н. И. Крайневой. М., 2005. С. 103. Разу-

Неизвестно, читал ли Северянин статью «Манера, лицо и стиль» и соответственно помнил ли вышеприведенный ироничный отзыв поэта об эгофутуризме. Можно предположить, что он написал письмо Иванову, например, весной 1914 г. в связи с приездом в Москву с поэтическими выступлениями, на одно из которых, состоявшееся 15 апреля в Большой аудитории Политехнического музея, Иванов получил приглашение²⁵.

Приводим черновик ответа Иванова, упомянутого в беседе с Альтманом несколько лет спустя. Поскольку из-за стершегося карандаша не удалось стопроцентно восстановить окончательный текст письма, при подготовке его к печати мы позволили себе порой комбинировать фрагменты первичного слоя, написанного на одном дыхании и практически без помарок — с выдержками из многослойной правки. Они даются в прямых скобках, знак вопроса в ломаных означает сомнительное чтение.

Милый поэт!

На привет Ваш отвечаю благодарным приветом. Я давно Вас заметил и давно думаю: зачем это он все уверяет нас в своем таланте? Слишком много двусмысленных ужимок, если он действительно уверен, что его талант — «недвусмысленный»²⁶. Или [ему так хотелось непре(менно) рекл(амы)] он не брезгует [1 нрзб.] рекламы? Или [он] все-таки сам и в высшем смысле неуверен? В данном случае это последнее могло бы оказаться хорошим знаком. Ибо — что такое талант и какая ему цена? В первом, непосредственном значении слова — конечно, талант есть, талант несомненный, све-

меется, возникает вопрос, как Иванов мог написать «отповедь» протеже своего единомышленника. Однако именно на конец осени 1913 г. и весну 1914 г. пришелся пик расхождений между Северяниным и Сологубом, дружеские отношения которых восстановились лишь летом 1914 г. в Тойле, о чем можно прочитать в очерке Северянина «Сологуб в Эстляндии»; подробнее см.: Игорь Северянин. Письма к Ф. Сологубу и Ан. Чеботаревской. С. 710—715.

²⁵ См. пропуск для двух лиц на эстраду, посланный, видимо, по инициативе С. А. Соколова на бумаге с его личным штампом («Громокипящий кубок» был издан в «Гриффе»): РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 54. Л. 9. Вечера Северянина 14—16 апреля были чрезвычайно успешными: объявления о них см.: Вечер Игоря Северянина // Голос Москвы. 1914. 15 апреля. № 86. С. 4; Поэзо-вечер // Голос Москвы. 1914. 16 апреля. № 87. С. 5.

²⁶ Намек на финал стихотворения «Поэза вне абонемент»: «Я — волк, а Критика — облава! / Но я крылат! И за Атлант --- / Настанет день! --- польется лава — / Моя двусмысленная слава / И недвусмысленный талант!» (Северянин Игорь. Громокипящий кубок. М., 1913. С. 123).

жий, яркий и щедрый. Но ведь этого [же] — мало... Ибо не иначе думает всякий большой или художест(венно?) гениальный талант. Он ставит себе задачи столь далекие, предъявляет к себе столь многозначительные требования, мерит свое посланничество — непременно, хотя бы и псих(ологически?) не(?) сознав(ая?) «посланничество» — такими мерками, — что когда провозглашает себя воздвигшим нерукотворный памятник, знает, что говорит, — потому что говорит это, предчувствуя близкую смерть²⁷. Этим последним торжественно-смирненным провозглашением он творит над собою страшный суд: потому что догматически точное определение им собственного дела есть определение границ этого дела, следовательно — признание его ограниченности. Другими словами: «вот что я сделал, большего же сделать — и хотел, да не удалось». Большой талант не легко и не скоро исчерпывается осуществлениями; сознавая в себе [неизречен(ные)] [колоссальные] иные возможно-сти, он склонен к недовольству достигнутым. Итак, чем выше я Вас оцениваю в Ваших возможностях, тем более склоняюсь к предположению, что Вы притворяетесь подлинно «взорлившим», — если «взорлить» относится к орлу, а не к орленку²⁸. Пушкинский Моцарт хохочет и считает себя — да кстати и товарищей — [богами] гениями²⁹, но упоминает об этом, en passant³⁰, зная, что его гений — при нем, а не вне его, не в произведениях, кот(орые) мало ценит, а где-то в голове и в груди³¹.

Дело в том, что мне не только нравится очень многое в Ваших стихах, но нравится мне Ваша душа. И [любую(сь)] видя ее (или воображая, что вижу), — я не могу примириться с черточками самолюбия, [в нее — как будто лишь поверхностно — вкрапленными]. Гордости, опасной, каменной, к счастью, в ней не вижу...³² Быть может, Вы думаете, как многие, что гордость [красива] прямо вышшаает. А самолюбие, [чувство достоинства] [по крайней] мере не [мелочно] унижает? Я говорю, что говорю, но употребляю слова в

²⁷ Очевидно, имеется в виду «Памятник» Пушкина (1836).

²⁸ См. прим. 1.

²⁹ Аллюзия на слова Моцарта о Бомарше в трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери» (1831): «Он же гений, / Как ты, да я».

³⁰ «мимоходом» (*франц.*).

³¹ Последняя фраза записана на полях, а дальнейший текст продолжается на новой странице. Это начало нового периода мы позволили себе обозначить красной строкой.

³² Иванов, как он далее и поясняет, пользуется словами, взятыми в его собственном значении, ср. в докладе «Евангельский смысл слова "земля"»: «Окаменение -- последнее, закрытое для дальнейшего брака, статическое утверждение материального начала» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 150). Окаменение в ивановском смысле объединяет и дьявольскую гордость, и неправый эротизм.

настоящем их смысле, а не в обиходном. Но об этом, по существу, рассуждать было бы долго. Я же люблю Вас за то, что Вы добрый (без доброты, [сердечности] и великодушия сердца какой же возможен серьезный талант?), за то, что Вы нежный, за то, что Вы молчаливый (и потому так словоохотливо, так легко плачете, так самозабвенно резвитесь, и [так грустно дурачитесь] шутите так грустно), за то, что Вы [в сущности] не эго-ист и не эготист, и за то, что Вы вовсе не футурист (не имеете ничего общего с действительным [и на Западе] футуризмом, кроме разве, не дай Бог, безверия³³). Ваши братья по лиризму, конечно, гениальные, но [слишком] отягченная (2 нрзб.) сенсуальн(нрзб.) Мирра [Лохвицкая]³⁴ и (1 нрзб.) Бальмонт, и дельно (?) нового (4 нрзб.) [в смысле направления, школы и т. п.] ничего Вы не внесли, кроме Вашей индивидуальности, самобытной, несмотря на указанное родство: но это же важнее всего. Во всяком случае, новое не в том, что Вы считаете новым: как ни красиво сказано про «самодельный корабль», это не совсем верно³⁵. А забавно, с юмористичес(кой) аффектацией перевернуть

³³ Ср. воспоминание Иванова, которым он поделился с Альтманом: «Я помню, в 1913 году я был на заседании футуристов в Москве и сказал тогда: "Чего футуристам не хватает, так это веры в Бога". Ларионов (муж Гончаровой) мне тогда крикнул: "Гончарова (художница) всрив в Бога". — "Очень хорошо, — сказал я, — я с ней не знаком, но передайте ей, что я ее люблю (Гончарова была жена Ларионова, но я об этом тогда не знал)". И действительно, все, что я видел из Гончаровой, талантливо и прелестно» (*Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым*. С. 50). Если поэту здесь не изменяет память, то это могло быть только в Москве и только поздней осенью (Иванов приехал 23 сентября). Из большого количества выступлений футуристов (и о футуризме — как лекции К. Чуковского) разных толков и разной степени скандальности обратим внимание на первую персональную выставку Н. Гончаровой (29 сентября—5 ноября 1913 г.), к закрытию которой в ноябре И. Зданевич прочитал доклад «Наталья Гончарова и "всёчество"», где он уже тогда объявил конец футуризма (см. подробнее: *Крусанов А. В. Русский авангард: 1907—1932. (Исторический обзор)*: В 3 т. Т. 1. СПб., 1996. С. 128—129).

³⁴ Поэзия Лохвицкой служила несомненным ориентиром для Северянина, только в сборнике «Громокипящий кубок» читатель может встретить эпиграфы из нее к стихотворениям «Письмо из усадьбы» (С. 23), «Чайная роза» (С. 37), «Завет» (С. 49), «Поэзоконцерт» (С. 57) и мн. др., а также прочесть первую строфу из стихотворения «Поэза вне абонемент»: «Я сам себе боюсь признаться, / Что я живу в такой стране, / Где четверть века центрит Надсон, / А я и Мирра — в стороне» (С. 123). Четкий обзор состояния хорошо исследованной темы творческих связей между поэтами см.: *Макашина В. Г. Мирра Лохвицкая и Игорь Северянин: К проблеме преемственности поэтических культур*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новгород, 1999. С. 9—15. Напомним, что Иванов высказал свое мнение о поэзии Лохвицкой в некрологической статье в «Вопросах жизни» (1905. № 9).

³⁵ Имеются в виду строки из третьего стихотворения цикла «Пролог» (эгофутуризма, 1909) — протест против книжного знания: «Я непосредственно сумею / Познать неясное змсле.../ Я в небесах надменно рсю / На самодель-

иностранные словечки и сочинить всерьез несколько удачных и вдесятеро более фальшивых и исковерканных русских, [в роде солнить, лунить³⁶] — не объективное открытие, не принцип школы, а личный [индивидуальный, б(ыть) м(ожет,) часто удачный] часто [прелестный] [просто милый] умный (?) и милый, иногда же просто дурного тона каприз. Этим я не хочу сказать, что Ваш неправильный язык не бывает прелестен и что он не своеобразен всегда; но поймите: это не — изм, а Вы сам. А вот что душа Ваша вселенская³⁷, это я надеюсь, правда, и сие буди, буди³⁸.

ном корабле!» (С. 121). Не исключено, что стихотворение могло привлечь Иванова образом, близким к его собственному: «Я солнце, солнце спрятал в грудь», ср. у Иванова: «О Солнце! вожатый ангел Божий / С расплавленным сердцем в разверстой груди!» (стих. «Хвала солнцу» из цикла «Солнце-сердце»), что отчетливо противоречит идее Северянина. Упреки Северянину в повторении поэтических поисков русских декадентов были общим местом в критике (см. об этом: *Иванова Е. В.* Поэтическая генеалогия Игоря Северянина // О Игоре Северяnine: Тезисы докладов науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Игоря Северянина. Череповец, апрель 1987 г. Череповец, 1987. С. 18—21). Подобные упреки обращались и к акмеистам (ср. фразу Блока: «ничем вы от нас не отличаетесь» из записи разговора с Городецким в дневнике 1913 г. — *Блок Александр.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 238).

³⁶ Производные от неологизмов «лунить/олунить» достаточно частотны в сборнике; см. в стих. «Качалка грёзэрки» (1911): «Как мечты — сюрпризэрки / Над качалкой грёзэрки / Истомлено лунятся: то — Верлэн, то — Прюдом!» (С. 54), или в стих. «Кэнзели»: «По аллее олуненной Вы проходите морево...» (С. 59), или в «позметте» «В шалэ березовом»: «Травой олуненной придя из ельника с охапкой хвороста» (С. 70), наконец, «лунеет мрамор» из стих. «Когда придет корабль» (С. 73) и «как полдня ты не олунись» из «Июневого наброска» (С. 81) и др. Но производное от несуществующего глагола «осолнить» нам встретилось только раз и то в не сразу узнаваемом варианте: «Вперед! — осолнечен пропеллер!» в стихотворении «На летуне», впрочем, посвященном Брюсову (С. 106). Стоит добавить, что фраза «лунятся лимоны» появилась уже во втором «Миньонете» из сборника «Интуитивные краски» (СПб., 1909. С. 3), который, напомним, был в библиотеке Иванова.

³⁷ Финал упомянутого стихотворения «Эпилог»: «В ненастный день взойдет, как солнце, / Моя вселенская душа!» (С. 126). Это самоопределение бросает свет на адресата «Письма из деревни», другого стихотворения того же сборника, написанного от лица женщины, зовущей своего возлюбленного из города: «С твоей душой, душой вселенской, / Не место там, — “не ко двору” / Пришелся ты...» (С. 25). Уместно напомнить, что Академия эгопоэзии Северянина, Г. Иванова, Арельского и Олимпова называлась «Вселенский Футуризм». В позднейшем мемуарном эссе «Беспечно путь свершая...» Северянин так описывал создание этого термина: «В отличие от школы Маринетти я прибавил к этому слову “ego” и в скобках: “вселенский”» (*Северянин И.* Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза / Сост., автор предисл. и коммент. Е. Филькина. М., 1999. С. 461).

³⁸ РО ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 197. Л. 8—9об. Последняя фраза письма почти целиком записана на полях.

Дальнейшие отзывы писателей о поэзии друг друга демонстрировали неизменную неприязнь. Основная идея из переказа этого письма, сделанного Ивановым в разговоре с Альтманом, далее была еще более резко откомментирована поэтом. Начав, как и приведенное письмо, с признания за Северяниным наличия таланта, он добавил: «...вообразите блудного сына, который из поколения в поколение накопленные книги родительские начинает распродавать и покупать на них ликер, какое это произведет на Вас впечатление? Таков Игорь Северянин. Он увешивает себя ничтожными и фальшивыми драгоценностями, разряжается и расфранчивается неискусно и пошло и в таком виде является в общество, трубя о своем таланте»³⁹. Обратим внимание, что Иванов, намекая на ликер «Crème de Violettes», воспетый Северяниным в стихотворении «Фиолетовый транс», скорее всего, опять вспоминает именно сборник «Громокипящий кубок» (сомнительно, чтобы он знал одноименное с названием этого стихотворения юрьевское издание 1919 г.). Но это свое мнение о Северянине, оформленное в похожий образ растратчика чужого имущества, он уже высказывал годом раньше. На занятиях в московском «Кружке поэзии» в марте 1920 г. он учил своих студийцев, что для поэта «талантливости» и «естественного дарования» «мало: нужен хороший вкус, нужна работа, требуется не только поэт, но и художник (...). Игорь Северянин напоминает камердинера какого-нибудь щеголя, в отсутствие своего господина он воспользовался его костюмом и туалетными приспособлениями, стремясь во что бы то ни стало к “эlegantности”»⁴⁰. Не исключено, что Иванова вновь привлекло имя Северянина после публичного объявления его «королем поэтов» в феврале 1918 г. в Москве.

Со своей стороны, Северянин в это время также высказался об Иванове достаточно определенно. Мы имеем в виду первую строфу его стихотворения «Пять поэтов»:

Иванов, кто во всеоружьи
И блеске стиля — не поэт:

³⁹ Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 25.

⁴⁰ «Кружок поэзии» в записи Ф. Коган // *Europa Orientalis*. 2002. Vol. XXI, No 2. С. 122, 123 (публ. А. Шишкина). Ср. о «галантерейном» образе красоты у Северянина в рецензии О. Мандельштама на «Громокипящий кубок» (Гиперборей. 1913. № 6. С. 28).

В его значительном ненужьи
Бисня сердца вовсе нет⁴¹.

Благодарную память к Брюсову и Сологубу, несмотря на то что их отношение к поэту в дальнейшем изменилось, Северянин сохранил на всю жизнь. О своем первооткрывателе К. Фофанове он написал четыре мемуарных и критических эссе. Но об Иванове Северянин не оставил ни одного упоминания ни в опубликованных письмах его к И. Борман⁴², ни к С. Карузо, ни к А. Барановой. Похоже, он почти не касался имени Иванова и в своих устных беседах⁴³. Ивановедам приходится довольствоваться такими крохами: «Игорь Северянин не всегда был склонен предаваться воспоминаниям. Начинал он их как бы нехотя. Но затем постепенно воодушевлялся, и перед нами возникали лица тех, кого любил поэт. Я видел прекрасные черты Александра Блока. Появлялся Федор Сологуб. А вот Вячеслав Иванов читает свой “Венок сонетов”, “шаманит” Константин Бальмонт, раздается рык Владимира Маяковского, звучит напевный голос Сергея Есенина»⁴⁴. Но и это скупое свидетельство сомнительно: трудно поверить, что Иванов входил в список лиц, «кого любит поэт», да и сообщаемые здесь сведения носят слишком расхожий характер. Следует помнить, что в момент беседы перед Северяниным находился молодой студент Тартуского университета, к тому же, кажется, в поздних своих воспоминаниях склонный к неточностям⁴⁵.

В последнем прижизненном сборнике Северянина «Медальоны» (Белград, 1934) отношение к Иванову выражено

⁴¹ Вошло в сборник «Соловей» (Берлин; М., 1923), состоящий из стихов 1918—1919 гг. (см.: *Северянин Игорь*. Громокипящий кубок, 2004. С. 206).

⁴² Письма Игоря Северянина 1932—1935 гг. к Ирине Борман (из архива Рейна Крууса) / Вступ. ст. и публ. Г. Пономаревой; коммент. С. Исакова // Труды по рус. и славян. филологии. Литературоведение. Нов. сер. Тарту, 2001. [Вып.] IV. С. 260—281.

⁴³ В июле 1926 г. двинский поэт и журналист А. Формаков провел две недели у Северянина в Тойла, но тот, как всегда, вспоминал только о встречах с Брюсовым и Сологубом (*Формаков А.* Встречи с Игорем Северяниным // *Звезда*. 1969. № 3. С. 180—181).

⁴⁴ *Шумаков Ю.* Из воспоминаний об Игоре Северянине // *Звезда*. 1965. № 3. С. 192.

⁴⁵ См., например, указание на «натяжку» в его мемуарах о Северянине в пресамбуле Л. Н. Ивановой к публикации: *Северянин Игорь*. Письма к С. И. Карузо (1931—1940) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 224 (публ. Л. Н. Ивановой).

наиболее отчетливо: здесь его имя попало в ряд антиподов автора в компании с Апухтиным, Белым, Вербицкой, Гиппис, Г. Ивановым, Конан Дойлем, Надсоном, Пастернаком и Цветаевой. Как и большинство сонетов этого сборника, «Вячеслав Иванов», опубликованный и, вероятно, написанный в 1926 г.⁴⁶, составлен из мотивов ивановской поэзии⁴⁷. Иванов рисуется здесь как рулевой «сурового брига», плывущего «по кормчим звездам» «на поиски угаснувшей Эллады». Этому «рулевому, рожденному мертвецом», ничто в живой жизни — «ни хоры бурь, ни чаек скучный крик, ни стрекотанье ветреной цикады» — не приносит улады:

В безумье тщетном обрести былое
Умершее, в живущем видя злое,
Препятствовавшее венчать венцом

Ему объявшие его химеры (...) ⁴⁸

Зная контекст отношений двух поэтов, приведенные строки могут читаться как биографические — намек на то, что Иванов в свое время не приветствовал появления нового поэта⁴⁹.

⁴⁶ Из 100 сонетов сборника 75 были написаны в 1926—1927 гг. (см.: *Северянин И.* Письма к Августе Барановой. 1916—1938 / Сост., подг. текста, введение и коммент. Бенгт Янгфельдт и Рейн Круус. Stockholm, 1988. С. 12). В «био-библиографическом издании» «Словарь литературного окружения Игоря-Северянина (1905—1941) / Вступ. ст., сост., коммент. Д. С. Прокофьева» стихотворение уверенно отнесено к 1926 г. (Псков, 2008. С. 93).

⁴⁷ Это было типичным приемом Северянина и в других стихотворениях «Медальонов», что привлекало уже внимание исследователей и публикаторов; см., напр.: *Бабичева Ю.* Аще не умрет... Игорь Северянин // Северянин И. Классические розы. Медальоны. М., 1991. С. 24; *Бодягина Н. Я.* Роль средств интертекстуальности в сонете И. Северянина «Блок» // Вестник Хакас. гос. ун-та. Сер. 5: Филология: Языкознание. Абакан, 2005. Вып. 7. С. 74—77; см. также наблюдения над тем, как в сонете «Мережковский» отразилось чтение Северяниным романов «Атлантида» и «Иисус Неизвестный»: *Северянин Игорь.* Письма к С. И. Карузо. С. 224. Язвительностью отдельных «медальонов» некогда даже предлагалось «разбудить познавательную активность» школьников; см.: *Маркелова Т. В.* Поэтика оценочных значений в «медальонах» Игоря Северянина // Русская словесность. 1995. № 4. С. 59.

⁴⁸ *Северянин И.* Медальоны: Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах. Белград, 1934. С. 40. В России сонет впервые перепечатан в подборке: *Лубяникова Е., Мнухин Л.* «Медальоны» // Альманах Поэзия. 1989. Вып. 52. С. 156—157.

⁴⁹ Из соседства публикаций стихотворений в вечернем выпуске «Сегодня», посвященных Брюсову (в 96 номере газеты, вошло в «Медальоны») и Иванову (в № 119), можно гипотетически предположить со- и противопостав-

Это не противоречит крайней пристрастности мнений Северянина о других писателях, высказанных в этом сборнике порой с наивной обидой. Обратим внимание также на поэтику процитированного фрагмента, почти пародийно сочетающего броские приемы ивановского стиля: трудное для произнесения скопление консонантов, заставляющее нарочито выговаривать слова («препятствовавшее»), близкое соседство этимологически связанных паронимов («венчать венцом») ⁵⁰ и подчеркнутое несовпадение стихового и синтаксического членений. Этим поэт как будто демонстрирует читателю, что ничего сложного в том, как сочиняет Иванов, нет.

ление этих имен в коммеморативном намерении поэта. Другим и по всем причинам гораздо более естественным спутником Иванова в восприятии Северянина был и его однофамилец Георгий. Косвенным образом в этом убеждает их естественное соседство в сборнике «Медальоны», организованном по алфавиту. Но и в эссе «Успехи Жоржа (“Сады” — Георгия Иванова)» (1924) Северянин также поставил двух Ивановых рядом: «...мы в это время имели уже лучшего версификатора эпохи, человека с тою же фамилией, успевшей превратиться в большое, но скучное имя. Я говорю, конечно, о Вячеславе Иванове...», в своем ответе на «Китайские тени» под названием «Шепелявая тень» (1927) он на протяжении всего текста называет автора «Ивановым 2-ым» (*Северянин И.* Тост безответный. С. 474, 475—477).

⁵⁰ Подробнее об истории этого приема звукописи в русской поэзии см.: *Кожевникова Н. А.* Об одном типе звуковых повторов в русской поэзии XVIII—начала XX века // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М., 1984. С. 196—198; обсуждение роли паронимической аттракции в ивановских поэтических текстах см.: *Котрелев Н. В.* Вячеслав Иванов. «Аттика и Галилея» (из материалов к комментарию на корпус лирики) // *Scripta gregoriana: Сборник в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгарда-Левина.* М., 2003. С. 406—407.